

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ю.А. АСОЯН

Исчезнувшая цивилизация: цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х годов

В статье прослеживаются перипетии отношения к понятиям “цивилизация”, “цивилизированность”, “культура” и “культурность” в русской и особенно в советской литературе. Показаны отличия их советских идеологизированных трактовок от современных им западных, изменения в практиках их использования, переключки с переосмыслением понятия “цивилизация” в современных постколониальном и антиимперском дискурсах.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизованность, культура, культурность, дискурс, прагматика, практики.

In article peripetias of the relation to concepts “civilization”, “civility”, “culture” and “polite behavior” in Russian and especially in the Soviet literature are traced. The differences of Soviet treatments of their meanings from western ones are demonstrated, changes in experts of their use, muster with reconsideration of concept “civilization” in modern postcolonial and anti imperial discourses are analysed.

Keywords: civilization, civility, culture, polite behavior, discourse, pragmatics, practices.

Понятие “цивилизация” в России: превратности судьбы

Отправной точкой исследования стала случайность и связанное с ней несколько наивное удивление. Просматривая первые издания советских энциклопедий, я решил посмотреть, как определялись понятия “культура” и “цивилизация” в 1930-е гг. в первом издании Большой советской энциклопедии (БСЭ), претендовавшей на роль самого авторитетного советского справочного издания. Статья “Культура” помещалась в томе, датированном 1937 г. Это довольно объемный текст, в котором комбинация марксистских положений и ключевых высказываний на темы культуры В. Ленина и И. Сталина сопровождалась тавтологическими комментариями. Статья содержала критику идеалистических интерпретаций культуры, сводящих ее к явлениям духовного порядка. Перво-степенное место занимали в ней, разумеется, понятия “пролетарской” и “социалистической” культуры. Помимо этого текст содержал высказывания “по текущему моменту” – в том числе критику “фашистских извращений культуры”. Чего в тексте не было, так это

и намека на нейтральные, не идеологизированные формулировки, наличие которых, вообще говоря, не исключалось полностью и в то суровое время [Большая... 1937].

Разочаровавшись в “культуре”, я обратился к поискам “цивилизации”. Статье о ней полагалось быть в 60-м томе Энциклопедии, вышедшем в 1934 г. [Большая... 1934]. С “цивилизацией” в БСЭ дела обстояли, однако, даже хуже: такой статьи попросту не было. Справедливости ради надо отметить, что уже следующее, второе, издание БСЭ восстановило “пораженную в правах” цивилизацию – небольшая статья о ней вошла в том, датированный 1957 г. Это издание определило цивилизацию как “уровень общественного развития и материальной культуры”, достигнутый той или иной общественно-экономической формацией. Статья содержала ссылку на моргановскую схему прогресса как перехода от дикости к варварству и цивилизации [Большая... 1957]. И все же отсутствие статьи “Цивилизация” в издании 1934 г. занимало меня куда больше. Эта лакуна провоцировала размышления – если не о судьбах Родины, то о превратностях истории идей... Истоки понятия “цивилизация” в русской общественной мысли и публицистике восходят к 1830-м гг. Инициатива, хотя и весьма своеобразная, принадлежала графу С. Уварову. Триада “православие – самодержавие – народность” рассматривалась им как противоядие опасным европейским идеям *цивилизации* и *революции*, о чем он прямо говорил в меморандуме 1832 г., адресованном Николаю I. Став министром просвещения, Уваров, тем не менее, инициировал частичную публикацию по-русски в Журнале Министерства Народного Просвещения “Истории цивилизации в Европе” Ф. Гизо. Публикация стала важной вехой утверждения понятия “цивилизация” в России [Первая... 1834; Зорин, 2004, с. 337–374; Велижев, 2010]. И вот, спустя ровно сто лет понятие “цивилизация” оказалось забытым Большой советской энциклопедией. Причем забывчивость эта вряд ли была случайной... Справедливости ради отмечу, что в Малой советской энциклопедии (МСЭ) крохотная статья о цивилизации есть. Она, правда, едва выходит за рамки этимологического пояснения слова: “Цивилизация (лат. гражданственность) – высокая ступень общественного развития, противопоставляемая часто (Льюис, Морган и др.) варварству. Нередко термин цивилизация отождествляется с понятием культуры” [Малая... 1932]. У Большой и Малой энциклопедий были разные редколлегии и два года разницы в дате публикации соответствующих томов. Завидной краткостью отличается в МСЭ и статья о культуре [Малая... 1929]. У всего, впрочем, есть оборотная сторона: краткость статей в МСЭ не только не позволила авторам выйти за рамки простейшего этимологического толкования понятий, но и обеспечила достаточную свободу от тяжеловесных идеологических конструкций. Сохранило “цивилизацию” еще одно справочное издание того времени – Энциклопедический словарь Гранат. Но это издание с дореволюционной генеалогией, и его, строго говоря, нельзя считать стопроцентно советским. Статья о цивилизации вошла в 45-й том, опубликованный в еще относительно свободном 1927 г. Несмотря на небольшой объем, она выглядит вполне концептуально. В частности, содержит упоминание о шпенглеровском противопоставлении *цивилизации* и *культуры* как начала пассивного и статического – началу активному и динамическому. Другой примечательный момент – выделение “субъективного” и “объективного” значений понятия “цивилизация”, которое характеризуется в целом как “одно из наименее устойчивых понятий современной социологии” [Энциклопедический... 1927].

Издававшийся Русским библиографическим обществом словарь Гранат не мог состоять в БСЭ ни в тираже (4 тыс. экз. против 60 тыс.), ни в идеологической выверенности. Хотя одним из авторов словаря был в свое время Ленин (статья “Маркс и марксизм”), а редакция Граната уже в 1920-е гг. (под руководством А. Тимирязева) провозгласила свою приверженность марксизму в общественном сознании (которую она пыталась сочетать с “позитивизмом в философии”), БСЭ по существу вытеснила Гранат с поля справочных изданий. Последние тома словаря по инерции еще выходили вплоть до 1940-х гг., но удельный вес этой энциклопедии с появлением Малой и, особенно, Большой советских энциклопедий стал незначителен.

В качестве курьеза можно отметить, что и в издававшейся Коммунистической академией, Институтом литературы, искусства и языка Литературной энциклопедии (1930–1939) места для “культуры” тоже не нашлось. Дважды совершалась попытка

коснуться этого вопроса, сначала в статье “Культурно-исторический метод”, а затем в статье “Метод культурно-исторический”, но ни та, ни другая не увидели свет [Литературная... 1931; 1934].

Топика понятия “цивилизация”

Кроме словарей стоит внимательней присмотреться к корпусу сочинений теоретиков и идеологов партии большевиков (В. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, А. Луначарский, И. Сталин), к их практикам употребления интересующих нас понятий. Если иметь в виду довольно редкое появление в их текстах понятия “цивилизация” и явное преобладание определенным образом понятой “культуры”, то картина будет очень похожа на то, что наблюдается в БСЭ. С понятием “цивилизация” регулярно соотносятся отрицательные контаминации, гораздо реже встречаются нейтральные, положительные – и вовсе единичны. Самое распространенное выражение тут – *буржуазная цивилизация*, часто – *так называемая цивилизация* – то есть ложь и обман, скрывающие за маской человечности и благонамеренности хищные капиталистические интересы [Троцкий, 1924^б; Бухарин, 1988].

На маргинальное место понятия “цивилизация” в идеологических дискурсах раннего советского времени косвенно указывают предметные указатели к собраниям сочинений Ленина. Первые собрания ленинских сочинений (1920-х гг.) предметных указателей не содержали. Но можно быть уверенным, что слово “цивилизация” в них все равно бы не попало. Ведь его нет ни в одном из предметных указателей к позднейшим – четвертому и пятому – изданиям сочинений Ленина. Зато рубрикация понятия “культура” в этих изданиях обширна и дробна [Справочный... 1978]. Надо отметить, что в 1970–1980-е гг. в Институте русского языка АН СССР велась работа по составлению словаря языка Ленина [Денисов, 1998]. Можно лишь сожалеть, что он так и не увидел свет.

Хотя топика понятия “цивилизация” в советском идеологическом дискурсе 1920-х гг. крайне ограничена, в ней просматривается ряд самостоятельных тематизмов. В начале 1920-х гг. это: “мировая (империалистическая) война и цивилизация”, “революция и буржуазная цивилизация”, “коммунизм (большевизм) и цивилизация”. Бухарин, в частности, напоминает имена тех, кто увидели в коммунизме “угрозу цивилизации”: “Истошными голосами кликуш вопят, будто большевизм... несет с собой гибель цивилизации и культуры”. В их числе оказывается “друг Маркса Гейне”, испугавшийся, что, придя к власти, “мрачные иконоборцы (коммунисты) разобьют дорогие его сердцу статуи красоты”. Ряд продолжает “ставший впоследствии членом нашей партии” В. Брюсов, адресовавший “нам и нашему классу приветственный гимн”, но в образе “грядущих гуннов” [Бухарин, 1988, с. 369, 371].

По Бухарину, “все эти настроения были чрезвычайно характерны... даже для тех, которые пытались выпрыгнуть из сетки буржуазно-капиталистической идеологии... даже они видели в рабочем классе новых гуннов”. Но «оказалось, что цивилизацию и культуру, все завоевания ее и ценности, ставят под нож, ставят под топор не мрачные коммунистические “иконаборцы”, не гунноподобные воители коммунистического рабочего движения... а “блестящие” и “великолепные” лейтенанты и генералы империалистских армий... лощеные дипломатические деятели христианнейших государств... мрачные “коммунистические иконоборцы” не только спасают все ценное, что остается от старого, но самым быстрым образом, быстрее, чем кто либо, ведут огромную человеческую массу вперед по культурной дороге... перепахивают трактором культуры вдоль и поперек огромную страну» [Бухарин, 1988, с. 372].

Интересно, что регулярно прибегая к понятиям “социалистического/советского общества и культуры”, теоретики большевизма 1920–1930-х гг., кажется, совершенно не использовали такую конструкцию, как “советская/социалистическая цивилизация”, довольно популярную на Западе и развитую в неоднократно переиздававшейся в Англии книге супругов Б. и С. Вебб “Советский коммунизм – новая цивилизация?” [Webb, Webb, 1935]. Понятие “цивилизация социалистического общества” появляется в статье о цивилизации только во втором издании МСЭ, но это уже 1947 г. В связи с этим могут быть сделаны соответствующие комментарии: видимо, не случайно, что выражение

“цивилизация социализма” стало возможным лишь с появлением “лагеря социализма” и формированием “социалистического блока”. Впрочем, выражение “цивилизация социализма” так и не привилось. Социализм маркировался как “формация” и “культура”, но не как “цивилизация”. В 1920-е гг. денотатом понятия “цивилизация”, так же как и для русской общественной мысли XIX в. [Зеньковский, 1993], оставался “Запад”, “Европа”.

В середине 1920-х гг. заметное место приобрела тема освобождающегося Востока. В связи с этим понятие “цивилизация”, как синоним Запада, начинает использоваться чаще, чем прежде. В работе “Мы и Восток” Троцкий цитирует английского дипломата, призывающего к единению европейцев. “В их (империалистическом. – Ю.А.) единении, – пишет Троцкий, – мы не участвуем”. Отсюда “ненависть и боязнь, что мы испортим их дипломатический концерт, в мелодию которого входят вопли китайцев, избиваемых во славу цивилизации” [Троцкий 1924^б, с. 99]. “Цивилизация” здесь – симулякр, за которым скрывается “империализм”¹. “Мировая революция” и “пробуждающийся Восток” выступают как оппозиция *империализму цивилизации*. Если в начале 1920-х гг. именно “мировая революция” была “нашим ответом” буржуазной цивилизации, то позже появились и другие понятия – “советское человечество”, а потом и “советская Родина”.

Немецкий социолог Н. Элиас в 1930-е гг. писал о “цивилизации” как о понятии расширяющемся, преодолевающим национальные перегородки, обращенном к будущему [Элиас, 2001]. Семантика “культуры”, по крайней мере в немецкой мысли, иная – это понятие, обращающее “к истокам”, языку и истории. Цивилизация – понятие прогрессистское, а культура – консервативно-охранительное. Хотя в России начала XX в. немецкая мыслительная традиция означивания понятий “культура” и “цивилизация” была преобладающей, советские идеологические конструкторы обнаруживают в отношении к ней ряд смещений. В дискурсивных практиках советского большевизма видна тенденция *намеренной историзации* понятия “цивилизация”. В том смысле, что цивилизация – мир *отживающей* буржуазной культуры. Социализм с этой точки зрения – не цивилизация, а культура настоящего и *будущего*.

Можно возразить, что слово “культура” регулярно употреблялось теоретиками советского строительства, в частности Лениным и Троцким, и в самом широком смысле – то есть вовсе не предполагало однозначное следование предложенной “темпоральной оппозиции”. Разумеется, это так: “...рабское общество, феодально-крепостническое и буржуазное, – пишет Троцкий, – порождали и соответствующую культуру – на разных этапах развития, со множеством переходных форм... Эксплуататорское общество порождало эксплуататорскую культуру” [Троцкий, 1926, с. 167]. Однако нужно иметь в виду, что когда от общих положений о классовой природе культуры, об обусловленности культуры материальным производством переходили к вопросу о строительстве социализма, то “темпоральное отношение” интересующих нас понятий, скорее, соответствовало выделенному выше: западная цивилизация коррелировала с прошлым, советская культура – с будущим...

Представления о “цивизованности” и “культурности”

Наряду с “цивилизацией” стоит сказать и о такой категории, как “цивизованность”. В отличие от негативно маркируемой “цивилизации”, с прилагательным “цивизованный” и его субстантивированной формой “цивизованность” дело обстоит

¹ Ср.: «...в Пекине есть стена, вдоль которой или по которой имеют право гулять только иностранцы... Китайский солдат, нарушивший запрет, получил 40 ударов бамбуком во имя неприкосновенности “цивилованной” империалистической стены... в Шанхае, другом большом городе Китая, есть бульвар, или сад, где на всех скамейках надпись: “Только для иностранцев!”. Китаец в своем доме, в своей стране, должен обходить эти скамьи под страхом бамбукового воздействия европейской цивилизации... Мы были бы закабалены, подавлены, растоптаны. Враги лелеяли эту мечту! Кто знает, может быть на стенах Кремля, Красной площади, где сейчас покоится наш вождь, они попытались бы, после победы, вывесить плакаты – “только для цивилизованных”, “только для иностранцев»» [Троцкий 1924^а, с. 43–44.] Подобный подход характерен и для современных постколониальной критики, глобальной истории и, с некоторыми оговорками, – для исследований дискурсов империализма, акцентирующих роль концепта “цивилизаторской миссии” (см. варианты подхода и библиографию темы в [Pitts, 2005, p. 2–4, 14–17, 326]).

не так однозначно. Ленин определял социализм как строй “цивилизованных кооператоров”. Троцкий и другие партийные деятели использовали это определение. Кроме того, в 1920-е гг., еще при жизни Ленина, а также и после его смерти, неоднократно ставилась задача “цивилизовать Соваппарат”, что, конечно же, приписывает “цивилизованности” сугубо положительные значения. “Грубость и нецивилизованность” соработников квалифицировались в этой связи как “привычка к старорежимному хамству”, с одной стороны, и намеренное желание продемонстрировать “революционность” – с другой [Ленин, т. 44; Троцкий, 1926, с. 184].

В самом начале 1920-х гг., критикуя Пролеткульт, Ленин писал: «...слишком много и слишком легко разглагольствуют о “пролетарской культуре”: нам бы для начала настоящей буржуазной культуры, обойтись без особенно махровых типов культуры добуржуазного порядка, т.е. культуры чиновничьей, или крепостнической и т.п....» [Ленин, т. 45, с. 393–394]. «В то время как мы болтали о пролетарской культуре и о ее соотношении с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже и с буржуазной культурой дела обстоят очень слабо. Это служит грозным предупреждением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях “пролетарской культуры”... показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам теперь, чтобы *достичь уровня обыкновенного цивилизованного* государства Западной Европы... достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня» [Ленин, т. 45, с. 363].

В сравнении с идеей “цивилизации” положительные контаминации понятия “цивилизованность” (идет ли речь о государстве, или о характеристике соработника) встречаются чаще. Тем не менее вовсе не эта категория была апроприрована советским идеологическим дискурсом 1920-х гг. Первое место в нем заняла категория и идеологема “культурности” [Волков, 1996]. Понятие “культурность” получило широкое распространение и стало повсеместным именно в Советской России 1920-х гг. Оно приобрело особую значимость не в первые пореволюционные годы (проходившие под знаком конструирования “новой культуры”, о которой существовало довольно отвлеченное представление), а в период культурной революции (конец 1920-х гг.). Концепция культурности нашла своеобразное преломление в работе Агитпропа. Показательны в этом смысле пропагандирующие “культурность” агитки О. Маяковского, призывающие к соблюдению норм гигиены².

Слово “культура” потеснило в конце 1920-х гг. широко употреблявшееся прежде – в середине 1920-х гг. – понятие “быт”. “Что мы разумеем под словом быт? – спрашивал А. Луначарский. – Мы выделяем из всех областей нашего существования государственную жизнь и хозяйственную жизнь: за вычетом этих двух сфер получаем быт” [Луначарский, 1927, с. 3]. Работа у станка, за плугом относится к сфере хозяйственной работы, но отдых, хотя бы и в процессе работы, организация обеденного перерыва – это уже быт. Ш. Плаггенборг выделил в 1920-е гг. два направления культуры – культуры быта и трудовой культуры. Сложилась две группы исследователей – “теоретиков быта” [Григоров, Шкотов, 1927] и “теоретиков трудовой культуры”. Последние группировались вокруг Центрального института труда под руководством А. Гастева [Гастев, 1971]. Социалистическую культуру они понимали прежде всего как *культуру труда*, пришедшую на смену *культуре праздности* [Гольцман, 1925].

Программа “переустройства быта”, игравшая важную роль в практике советского строительства начала и середины 1920-х гг. была нацелена главным образом на изменение условий повседневной жизни. Эта программа отвечала на запрос, шедший “снизу” [Троцкий, 1923]. Несмотря на усилия власти, она столкнулась с серьезными трудностями. Возможно, именно это заставило властный дискурс переформулировать запрос, ориентирующий на создание соответствующих условий жизни трудящегося, в совокупность требований, адресованных самому трудящемуся. Понятие “культура” и

²“Учите курящих и сорящих – будьте культурны: / Собственный сор бросайте в мусорный ящик”. “Грязные руки грозят бедой./ Чтоб хворь тебя не сломила – / Будь культурен перед едой / Мой руки мылом!”; “Товарищи люди, будьте культурны! / На пол не плойте, а плойте в урны” [Маяковский, 1958, с. 412, 415, 416]. Еще один из актуальных текстов того советского времени: “Культурная привычка, приобрети ее – / Ходи еженедельно в баню и меняй белье” [Маяковский, 1958^a, с. 188].

формировавшаяся в конце 1920-х гг. доктрина *советской культурности* гораздо лучше отвечали целям “созидания нового человека”, чем мало учитывающее сферу труда и политики средовое понятие *быт* [Асоян, 2010].

М. Зощенко в рассказе “Прелести культуры” (1928) писал от лица одного из своих героев: “Я всегда симпатизировал центральному убеждению. Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп. Вам видней. Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены. И действительно, *при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации*. Скажем, в театре можно было свободно даже не раздеваться – сиди, в чем пришел, хоть при шапке. Это было достижение” [Зощенко, 1928]. *Цивилизация и культура* замещают здесь культурность и цивилизованность. Навязываемые культурностью ограничения конца 1920-х гг. автор противопоставляет свободе от “условностей цивилизации” послереволюционных лет.

Для советского обывателя, каким выступает герой Зощенко, культурность и цивилизованность – синонимы. Между тем идеологический дискурс 1920-х гг. предполагает довольно последовательное различие этих понятий. “Надо правильно оценивать нашу культурническую работу³, – писал Троцкий. – Она состоит из двух элементов разного исторического значения. С одной стороны, мы вводим в быт элементы коллективизма” – это показатель новой социалистической культуры. “Но с другой стороны, мы ведем работу, чтобы усвоить трудящимися массами те культурные навыки, которые являются общими всем цивилизованным народам: грамотность, чтение газет, опрятность, вежливость и пр.” [Троцкий, 1924^a, с. 59–60]. Последняя задача маркируется как более простая по сравнению с первой, хотя во многих областях *цивилизованность* и необходима. Забота об этой стороне жизни вынужденная, она диктуется известной “отсталостью” России. Таким образом, мы находим знакомую конструкцию, соотносящую коммунистическую культуру и буржуазную цивилизацию (цивилизованность). Обе, в свою очередь, являются способами преодоления “до-буржуазного варварства”: “В ликвидации до-буржуазного варварства, – пишет Троцкий, – состоит добрая часть наших культурных задач” [Троцкий, 1924^a, с. 60]. Вместо моргановской схемы “дикость–варварство–цивилизация”, апроприированной Ф. Энгельсом, Троцкий фактически конструирует новую схему, включающую в себя “до-буржуазное варварство”, “буржуазную цивилизацию” и “социалистическую культуру”. Не нужно думать, что это исключительно “троцкистская” схема – в статье “Культура” в первом издании БСЭ она также имплицитно присутствует, только теперь место “добуржуазного варварства” заняло “фашистское варварство”, ставшее возможным, так сказать, при попустительстве буржуазной цивилизации [Большая... 1937].

“Культура” и “цивилизация”: особенности 1930-х гг.

В начале 1930-х гг. практики использования интересующих нас понятий – “цивилизация” и “культура” – обнаруживают ряд дополнительных модуляций. Попытаюсь их обозначить. Опорой для наблюдений будет третья группа источников, с которыми довелось ознакомиться – это советская газетная периодика начала–середины 1930-х гг. (“Правда”, “Известия”). Как уже отмечалось некоторыми российскими исследователями, середина тридцатых годов стала периодом интенсивного конструирования понятия советской Родины. В активном выдвигании этого понятия иногда усматривают чуть ли не коренную идеологическую метаморфозу, произведенную сталинизмом в 1934 г. [Вдовин]. Так или иначе идея советской Родины добавляла новые акценты в уже сложившееся соотношение “культуры” и “цивилизации”.

³ По Троцкому, слово “культурничество” до революции имело для большевиков скорее уничижительный, бранный характер. Говорили – “это культурник”, то есть деятель, который мелко плавает. “В условиях буржуазного господства главная культурная работа должна была состоять в том, чтобы сплотить пролетариат для завоевания власти... Когда власть взята, тогда встает вопрос о культуре трудящихся масс... ибо социализма на низкой культуре создать нельзя” [Троцкий, 1924^a, с. 44].

В конструирование понятия советской Родины свой вклад внесла известная “статья” Уголовного кодекса СССР об измене Родине. 8 июня 1934 г. в “Правде” было опубликовано Постановление ЦИК Союза ССР, дополнявшее реестр государственных преступлений статьями *об измене Родине*. Это постановление, между прочим, устанавливало ответственность “за связь” с изменником Родины для его ближайших родственников – жены, мужа, детей. Понятно, что одним этим постановлением, хотя и имеющим знаковый характер, “конструирование Родины” не ограничивалось, оно включало множество других событий. Например, победоносное возвращение челюскинцев “из ледяного плена” летом 1934 г. также стало поводом для пропаганды идеи Родины – гордости за страну, ее достижения и успехи, ее героев.

В статье “Сила радости”, опубликованной 20 июня 1934 г. в “Известиях” в связи с возвращением челюскинцев, И. Эренбург писал: “В этот день все стало понятным... Мы будем теперь отстаивать не только нашу идею, но и нашу землю, на которой эта идея уже стала цветами и людьми. Мы знаем, как лучшие люди прежних лет умели умирать за идею... Теперь то, что было идеей, обросло плотью. Теперь каждый знает, за что он пойдет умирать, если только враги осмелятся перейти наши границы: он будет бороться за свою жизнь, за свою радость, за своих детей, за свою родину...” [Эренбург, 1934]⁴. Нетрудно заметить, что в процитированном фрагменте интересующих нас понятий “цивилизация” и “культура” нет. Однако они появляются в опубликованной рядом статье Бухарина, проникнутой тем же пафосом и той же тональностью. «Во всех основных чертах, – пишет Бухарин, в ту пору главный редактор “Известий”, – **сформировалась родина трудящихся...** [Им] есть что защищать, есть чем гордиться, что строить, беречь... развивать! Не за “крест св. Софии”, не за чужие земли, а за свой труд, свою землю, свои заводы, **свою культуру...** – за это идет великая борьба... Масса чувствует, что этот новый мир будет бесконечно ценнее и выше, **бесконечно культурнее уходящего строя капиталистической цивилизации...**». “Подвиг челюскинцев, – пишет далее Бухарин, – подчеркивает моральное превосходство новой культуры... Истинная человечность и истинный героизм на **нашей** стороне... Это **наша** культура зарождается здесь в противовес торгашеству, жадности, индивидуализму, анархии в стане наших врагов” [Бухарин, 1934]. “Наш”, “наша” представляют здесь некую самоочевидную и потому особенно трудно поддающуюся аналитической процедуре конструкцию, которую все-таки стоит попытаться зафиксировать. Надо соотнести “наше” в советском идеологическом дискурсе начала 1920-х и начала 1930-х гг., соответственно. В 1920-е гг. “наше” более всего относится к “революции”, хотя может относиться также и к “социалистическому отечеству”. В 1930-е гг. оно все тесней соотносимо с “советской Родиной”. Не только “наша революция”, но в какой-то мере и “наше социалистическое отечество” оказываются “безместными” понятиями (с довольно выраженной идеалистической и, если угодно, цивилизационной семантикой). “Наша советская родина”, ставшая, как писал Эренбург, “цветами и людьми”, напротив, осязаемо-материальна и почвенно-культурна... В целом, стоит отметить характерное для советского идеологического дискурса середины 1930-х гг. противопоставление понятий “Советская Родина” и “социалистическая культура”, с одной стороны, – и понятия “буржуазная / капиталистическая цивилизация” – с другой. Само по себе противопоставление *цивилизации* и *культуры* не добавляет, кажется, ничего нового в привычное отношение этих понятий. Однако необходимо обратить внимание на *темпоральный режим* использования данных категорий; понятие цивилизация, как и в советских дискурсах 1920-х гг., историзуется, обращается к прошлому, рассматривается как достояние прошлого. С культурой, напротив, чаще связываются ожидания будущего. Вместе с тем утопические проекты культурного проектирования 1920-х гг. (Пролеткульт) на рубеже 1930-х гг. были если не отброшены совсем [Плаггенборг, 2000], то, во всяком случае, заменены более приземленными практиками дисциплинаризации (в сфере “трудовой”, “политической культуры”) и образцами “новой советской жизни”, включающими “советский патриотизм”, “любовь к советской Родине”, ее прославление трудом и подвигом.

⁴ Слово “родина” тогда еще писалось с маленькой буквы.

В одной из брошюр в середине 1920-х гг. Троцкий отвечал на острые и, как ему казалось, наиболее значимые вопросы, заданные в рабочей среде. Среди этих вопросов были такие: “Стоило ли производить революцию у нас, если английскому пролетариату придется все равно вести нас на буксире лет через пятнадцать?” (после мировой революции). Еще один вопрос был сформулирован так: “Не может ли случиться, что мы все же опередим европейских рабочих не только в деле революции, но и в деле строительства социалистической культуры?” [Троцкий, 1924^a, с. 91]. Спустя несколько лет вопросы так уже не стояли. И потому, что уже не было в повестке дня “мировой революции”. И потому, что само сомнение в превосходстве “нашей страны”, “нашей культуры” или “нашей революции” теперь отдавало бы “изменой Советской Родине”. В этой ситуации понятие “цивилизация” должно было быть забыто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асоян Ю.А.* Понятие и идеологема культурности в Советской России 1920-х гг. // *Обсерватория культуры*. 2010. № 1.
- Большая советская энциклопедия. В 65 т. Т. 35. М., 1937; Т. 60. М., 1934.
- Большая советская энциклопедия. В 50 т. (2-е изд.). Т. 46. М., 1957.
- Бухарин Н.* Вся страна // “Известия”. 20 июня 1934.
- Бухарин Н.И.* Ленинизм и проблема культурной революции (Речь на траурном заседании памяти В.И. Ленина). 21 января 1928 г. // *Бухарин Н.И.* Избр. произв. М., 1988.
- Вдовин А.И.* Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е гг.) (<http://www/portal-slovo.ru/history/41178.php>).
- Велижев М.* “Цивилизация” и “средний класс” // *Новое литературное обозрение*. 2010. № 104.
- Волков В.* Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // *Социологический журнал*. 1996. № 1–2.
- Гастев А.* Восстание культуры // *Гастев А.* Поэзия рабочего удара. М., 1971.
- Гольцман А.* Реорганизация человека. Л., 1925.
- Григорьев Г., Шкотов С.* Старый и новый быт. М.–Л., 1927.
- Денисов П.Н.* Язык русской общественной мысли конца XIX–первой четверти XX в. М., 1998.
- Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М., 1993.
- Зорин А.* Корня двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII–первой трети XIX в. М., 2004.
- Зоценко М.* Прелести культуры. 1928 (<http://www.zoschenko narod.ru/proizv/1927/130html>).
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44, 45.
- Литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1931; Т. 7. М., 1934.
- Луначарский А.В.* О быте. Л., 1927.
- Маяковский В.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. 1928. М., 1958; Т. 10. 1929–1930. Стихи детям 1925–1929. М., 1958^a.
- Малая советская энциклопедия. В 10 т. Т. 4. М., 1929; Т. 9. М., 1932.
- Первая лекция г-на Гизо из читанного им курса европейского гражданского образования // *Журнал Министерства Народного Просвещения* 1834. Ч. 1. № 3.
- Плаггенборг Ш.* Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Справочный том к Полн. собр. соч. В.И. Ленина (5-е изд.). Ч. 1. М., 1978.
- Троцкий Л.Д.* Вопросы быта (Эпоха “культурничества” и ее задачи). М., 1923.
- Троцкий Л.Д.* Вопросы культуры. М., 1924^a.
- Троцкий Л.Д.* Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М., 1924^b.
- Троцкий Л.Д.* Культура и социализм. М., 1926.
- Этлас Н.О.* Процесс цивилизации. М. СПб., 2001.
- Энциклопедический словарь Гранат. Т. 45. Ч. 3. М., 1927.
- Эренбург И.* Сила радости // “Известия”. 20 июня 1934.
- Pitts J.* A Turn to Empire: the Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, 2005.
- Webb B.P., Webb S.* Soviet Communism: a New Civilization? London, 1935.